

**ЭСТОНИЯ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОГНОЗ
НА СРЕДНЕСРОЧНУЮ
ПЕРСПЕКТИВУ**

Д. А. Ланко*

Даются ответы на вопросы, почему политический диалог между Россией и Эстонией, не существующий сегодня, едва ли возникнет в ближайшие пять лет, а также почему Эстония может за этот период утратить свое значение для российской внешнеполитической риторики и российских средств массовой информации. Все выводы сделаны в соответствии с прогнозом изменения места Эстонии во внешней политике России на среднесрочную перспективу, рассчитанным по методологии сценарного политического прогнозирования, согласно которой современные методы политического прогнозирования позволяют делать выводы не о будущих состояниях элементов политического мира, а лишь о тенденциях их развития, получивших название «сценарии». Рассматриваются четыре возможных сценария изменения места Эстонии во внешней политике России, оценивается их привлекательность с точки зрения развития российско-эстонских отношений, а также указываются факторы, влияющие на вероятность реализации каждого из сценариев. Показывается, что место Эстонии во внешней политике России зависит не только от конкретных действий эстонской элиты, например по изменению позиции в вопросе участия российских соотечественников в демократическом процессе принятия решений в Эстонии или в оценке спорных событий прошлого, но и от того, какое значение будет придано этим действиям российской элитой.

* Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9.

Поступила в редакцию 07.01.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-1-3

© Ланко Д. А., 2014

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Россия, Эстония, прогноз

Основными проблемами, ограничивающими возможности политического прогнозирования, являются, во-первых, непредсказуемость целе-направленных революц

менений в направлении политического развития, а во-вторых, непредсказуемость случайных политических изменений, составляющих сущность эволюционного характера развития. Н. Ю. Благовещенский, М. Ю. Кречетова и Г. А. Сатаров в своих попытках обосновать возможность сценарного политического прогнозирования в условиях неопределенности приходят к следующему выводу: «Если мы не можем точно прогнозировать будущее, то мы, по крайней мере, вправе попытаться связать возможные варианты будущего с настоящим» [1, с. 75]. Имеющийся в распоряжении современных политологов научный инструментарий не позволяет с достаточным уровнем точности описать варианты будущих состояний тех или иных элементов мира политического. Применительно к целям данной статьи представляется невозможным охарактеризовать то место, которое займет Эстония во внешней политике России по истечении периода времени, обозначенного как «среднесрочная перспектива». Одновременно можно определить тенденции изменения современного состояния различных элементов политического мира, например, каким образом может меняться место Эстонии в российской внешней политике. В политическом прогнозировании описание этих тенденций получило название сценариев. Важно подчеркнуть, что все сценарии в обязательном порядке включают оценку современного состояния того элемента политического мира, прогноз развития которого описывается. Независимо от того, идет ли речь о прогнозе на краткосрочную, долгосрочную или, как в данном случае, среднесрочную перспективу, прогнозы позволяют судить о настоящем в гораздо большей степени, нежели формировать представления о будущем. Именно в данном контексте следует рассматривать те прогнозы российской политики в отношении Эстонии, которые на протяжении ряда лет составляют эксперты, работающие под эгидой Академического балтийского центра российских исследований при Тартуском университете (Эстония) (например, [2]).

По сути, эти прогнозы представляют собой, во-первых, предположения относительно мероприятий, которые российская сторона могла бы провести в следующем по отношению к моменту составления прогноза году и которые были бы одобрены эстонской стороной. Во-вторых, в них содержатся предположения относительно мероприятий, которые российская сторона могла бы не проводить в рассматриваемом периоде, поскольку они вызовут протест эстонской стороны. Таким образом, при составлении своих прогнозов эстонские эксперты отталкиваются не от целей и задач российской внешней политики, а от тех целей и задач, которые преследует внешняя политика Эстонии, в том числе путем одобрения одних действий российской стороны и осуждения других. Этой тенденции соответствует и данная статья: в ней речь пойдет не о том, что сделает или не сделает Эстония в среднесрочной перспективе, а об изменении российских представлений об этих действиях. В отличие от эстонского прогноза, рассчитанного на краткосрочную перспективу — 1 год, нас интересует среднесрочная перспектива — 5 лет.

Место Эстонии во внешней политике России сегодня

В настоящее время место Эстонии во внешней политике России характеризуется двумя тенденциями. С одной стороны, как лаконично следует из справки, подготовленной в 2011 г. Министерством иностранных дел Российской Федерации, «российско-эстонские политические контакты носят ограниченный характер» [3]. С другой стороны, в выступлениях политических лидеров России и в сообщениях российских средств массовой информации Эстония играет значительную, хотя и негативную роль, непропорциональную ее влиянию на торгово-экономические связи, а тем более политические контакты. Исходя из этой оценки, можно предположить возможность реализации в среднесрочной перспективе четырех сценариев изменения места Эстонии в российской внешней политике.

1. «Застой» в российско-эстонских отношениях — Эстонии будет и впредь отводиться значимое место в российской внешнеполитической риторике (равно как и России — в эстонской), однако политические контакты между сторонами останутся минимальными.

2. «Забвение» Эстонии во внешней политике России — политические контакты между Россией и Эстонией будут и впредь носить ограниченный характер, однако значение Эстонии для российской внешнеполитической риторики и для российских средств массовой информации упадет.

3. «Несправедливость» в российско-эстонских отношениях — между Россией и Эстонией возникнут частые политические контакты, однако их влияние окажется заниженным, и им не будет уделено значимого места в российской внешнеполитической риторике и средствах массовой информации.

4. «Улучшение» российско-эстонских отношений — частые политические контакты между Россией и Эстонией, благодаря чему последняя приобретет значимую и на этот раз положительную роль в российской внешнеполитической риторике.

При этом вероятность того или иного сценария не характеризует развитие российско-эстонских отношений на среднесрочную перспективу, так как его нельзя определить с достаточным уровнем точности. Но даже если бы научный инструментарий, находящийся в распоряжении современных политологов, и позволял бы выявить, что возможность, например, сценария «забвение» составляет 60%, то этот результат не имел бы большого значения. Ведь 60% означает, что из десяти аналогичных случаев в шести будет реализован данный сценарий, а в четырех — один из трех оставшихся. Однако в современном мире есть всего одна Россия и всего одна Эстония, и даже если бы была возможность узнать, что конкретный сценарий осуществляется в шести аналогичных случаях из десяти, это не дает оснований заключить, будет ли развитие отношений между реальными Россией и Эстонией идти именно по этому или какому-то другому пути.

Россия как великая держава и Эстония как малая страна

Вместе с тем можно выявить факторы, способствующие и препятствующие реализации того или иного сценария. Так, на наш взгляд, место Эстонии в российской внешнеполитической риторике и средствах массовой информации определяется представлениями российской политической элиты о роли в международных отношениях и мировой политике в целом, с одной стороны, Российской Федерации, а с другой — Эстонской Республики. В настоящее время большая часть населения России считает свою страну великой державой. В первой половине 1990-х гг. многие не верили в возрождение статуса России как великой державы на мировой арене, а попытки отдельных ее представителей говорить о российском великодержавии были охарактеризованы А. А. Зиновьевым как «глухое глумление над народом» [4, с. 285]. В тех условиях Эстония воспринималась как страна, обладающая практически равным с Россией статусом на мировой арене, как значимый противник некоторых российских внешнеполитических начинаний, которому не удалось стать партнером.

Еще в 2007 г., когда министр иностранных дел Эстонии У. Паэт пригрозил заблокировать переговоры между Россией и Европейским союзом [5], это было воспринято в России в качестве серьезной угрозы, и роль Эстонии в сообщениях российских средств массовой информации и заявлениях российских лидеров выросла. Сегодня Россия стала одним из «центров силы» [6] для всего Балтийского региона, наряду с Европейским союзом и США, поэтому для российской элиты становится все труднее воспринимать Эстонию в качестве государства, способного как-то повлиять на отношения между Россией и Евросоюзом, хоть положительно, хоть и отрицательно. Тому способствуют и тенденции, наметившиеся в самом ЕС в условиях кризиса зоны евро. В последнее время в нем «выросло значение неформальных институтов, к которым можно отнести встречи на высшем уровне, проводимые между лидерами ключевых государств Евросоюза» [7, с. 130]. Эстония не принимает в них участия, а потому не может воздействовать на отношения России и ЕС, ни в представлениях российской элиты, ни объективно.

В этих условиях роль Эстонии в российской внешнеполитической риторике и в сообщениях российских средств массовой информации могла бы расти за счет сотрудничества в многостороннем формате. Например, по мнению А. П. Клемешева, Г. М. Федорова и Ю. М. Зверева, перспективы для инновационного сотрудничества между Россией и Эстонией открывает «формирование треугольника роста Финского залива» [8, с. 95], формат которого подразумевает активное участие не только российской и эстонской, но и финляндской стороны. Однако, как показывает опыт международного сотрудничества по вопросу строительства Северо-Европейского газопровода, Эстония в ближайшем будущем не готова участвовать в многосторонних форматах сотрудничества, даже если третьей стороной здесь выступит ее партнер по Евросоюзу, например Германия или Финляндия. Представляется, что потенциал «треугольника роста Финского залива» не сможет быть до конца реализован в среднесрочной перспективе в основном из-за позиции Эстонии.

Приграничное сотрудничество

В среднесрочной перспективе роль Эстонии в российской внешнеполитической риторике и в сообщениях российских средств массовой информации могла бы также вырасти за счет приграничного сотрудничества. Однако для этого необходимо, чтобы в рамках приграничного сотрудничества были запущены действительно масштабные проекты, ожидать чего в пока не приходится. Ведь ни потенциал Эстонии, а тем более ее восточных районов, ни потенциал Ленинградской и Псковской областей Российской Федерации, непосредственно примыкающих к российско-эстонской границе, не позволяет говорить о том, что в скором времени здесь будут запущены действительно масштабные проекты, требующие участия большего числа регионов с российской стороны и районов стран Евросоюза, однако, как и в случае вышеупомянутого российско-эстонско-финляндского «треугольника роста», вероятность возникновения такого сотрудничества в среднесрочной перспективе представляется незначительной.

Напротив, возникает тенденция к уменьшению числа участников проектов приграничного сотрудничества, а следовательно, и к снижению масштабы таких проектов. Так, в конце 1990-х гг. приграничная совместная работа велась в трехстороннем формате (пограничные районы России, Эстонии и Латвии), действовал Совет по сотрудничеству пограничных регионов трех стран [9, с. 62]. Сегодня приграничное взаимодействие здесь осуществляется уже в двустороннем формате: отдельно реализуются российско-эстонские проекты, отдельно — российско-латвийские. Одновременно представляется несправедливым возлагать вину за такое изменение формата отношений исключительно на органы местного самоуправления и государственной власти Эстонии и Латвии — двух стран Евросоюза, которые оказались не в состоянии наладить добрососедские связи между собой. Препятствием здесь является и инертность российских региональных элит, в первую очередь в Псковской области, которую А. Макарычев отмечал еще десять лет назад [10].

Н. М. Межевич на примере Эстонии демонстрирует, что наличие или отсутствие пограничного договора между двумя государствами никак не влияет на интенсивность приграничного сотрудничества [11]. И даже если в среднесрочной перспективе пограничный договор между Россией и Эстонией будет подписан, это не будет способствовать ни появлению масштабных проектов приграничного сотрудничества, ни увеличению роли Эстонии в российской внешнеполитической риторике и сообщениях российских средств массовой информации. Напротив, можно предположить, что эта роль уменьшится: ведь пока пограничный договор остается неподписанным, споры вокруг него порождают интерес. Так было в 2005 г., когда договор был подписан, однако затем российская сторона отозвала подпись министра иностранных дел С. В. Лаврова с документа; так было в 2007 г., когда был подписан и ратифицирован пограничный договор с Латвией; так было и в 2013 г., когда вновь появилась надежда на то, что договор будет подписан и ратифицирован обеими сторонами в самое ближайшее время. Когда же договор будет подписан, поводы для новостных обсуждений исчезнут.

Вопросы истории и проблема соотечественников

Как было сказано выше, возникновение отсутствующего в настоящее время политического диалога между Россией и Эстонией само по себе не приведет к увеличению значимости этой страны для российской внешнеполитической риторики и российских средств массовой информации. Более того, сейчас не наблюдается факторов, которые могли бы в среднесрочной перспективе способствовать возникновению политического диалога между двумя странами, однако есть те, которые будут в среднесрочной перспективе препятствовать возникновению диалога. Во-первых, это различные оценки в России и Эстонии некоторых событий прошлого, в первую очередь относящихся к 1940 г. Во-вторых, это действующая в Эстонии этнополитическая модель, благодаря которой сотни тысяч российских соотечественников, постоянно проживающих в этой стране на протяжении нескольких десятилетий, оказываются исключены из демократического процесса принятия решений и не могут повлиять как на государственную политику в сфере образования и культуры, так и на официальную оценку событий прошлого.

Опыт российско-польских отношений последних десяти лет демонстрирует, что споры относительно оценок отдельных событий прошлого, различия в которых препятствуют налаживанию политического диалога между государствами, могут успешно разрешаться к обоюдному удовлетворению сторон [12]. Однако тот путь, который был избран для разрешения споров об оценках исторических событий между Россией и Польшей, не подходит для российско-эстонских отношений, где проблемы оценки исторических событий и включения российских соотечественников в демократический процесс принятия решений сегодня оказываются тесно взаимосвязаны. Более двадцати лет назад, когда создавалась современная этнополитическая модель Эстонии, ее политической элитой двигали опасения, что проживающие в стране российские соотечественники станут «пятой колонной», проводником интересов России в Эстонии, и поэтому они были исключены из процесса принятия решений. Как показывают Г. Смит и Э. Уилсон, подобные опасения в то же время существовали и у украинского руководства [13].

За двадцать лет, прошедшие с момента появления эстонской этнополитической модели, сформировалась обратная ситуация. Не российские соотечественники, проживающие в Эстонии, служат проводником внешнеполитических интересов Российской Федерации, а важнейшей задачей российской внешней политики стала защита интересов российских соотечественников, исключенных из демократического процесса принятия политических решений, а потому неспособных реализовать свои интересы иным способом — через внутривнутриполитические институты Эстонской Республики. Не российские соотечественники пытаются заставить эстонские власти отказаться от оценки событий 1940 г. как «оккупации» Эстонии Советским Союзом с целью легитимации совре-

менной российской внешней политики в отношении Эстонии, а Россия не собирается признавать факта «оккупации» с целью избежать получения соотечественниками, проживающими сегодня в Эстонии, «статуса оккупантов», чтобы не допустить узаконивания их дальнейшего исключения из демократического процесса принятия решений.

В то время как российская дипломатия продолжает демонстрировать руководству Эстонии незыблемость своей позиции по вопросам трактовки произошедшего в республике в 1940 г. в частности и защиты интересов соотечественников в целом, российские ученые предлагают компромиссные варианты интерпретации событий, которые удовлетворили бы все заинтересованные стороны: и Российскую Федерацию, и Эстонскую Республику, и российских соотечественников, проживающих в последней. Например, К. К. Худoley считает, что нужно говорить об этих событиях как о «советизации» Эстонии — уникальном процессе, который был возможен только в Прибалтике и только в условиях системы международных отношений, сформировавшейся после окончания Первой мировой войны, наряду с не менее уникальным процессом, получившим в европейской историографии название «австрийский аншлюсс» [14]. Однако представляется, что в среднесрочной перспективе эстонская элита не будет готова обсуждать какие-либо компромиссные варианты оценки значимых для нее исторических событий.

* * *

Таким образом, в среднесрочной перспективе факторы, препятствующие политическому диалогу между Россией и Эстонией в настоящее время, будут продолжать действовать. В качестве таких факторов следует рассматривать, во-первых, продолжающееся исключение значительной части российских соотечественников из демократического процесса принятия решений в Эстонии, а во-вторых, непрекращающиеся споры относительно оценок отдельных событий прошлого между Россией и Эстонией. И если политический диалог между двумя государствами в среднесрочной перспективе и возникнет, то не потому, что исчезнут указанные выше факторы, а потому, что их роль во внешней политике и России, и Эстонии снизится.

От трехсторонних проектов приграничного сотрудничества в формате Россия — Эстония — Финляндия и Россия — Эстония — Латвия произойдет переход к двусторонним проектам, соответственно, снизится масштабность этих проектов и их влияние на российскую внешнюю политику, и так небольшое в условиях растущей роли России в международной политике.

Снижение значимости Эстонии для российской внешней политики на данном этапе следует рассматривать в качестве позитивного сценария изменения места Эстонии в российской внешней политике. Представляется, что в случае осуществления сценария, выше охарактеризованного как «забвение» Эстонии в России, будет создана основа для дальнейшего развития двусторонних отношений, вплоть до реализации

сценария, определенного выше как «улучшение» российско-эстонских отношений, однако он видится возможным лишь в долгосрочной перспективе. В среднесрочной же перспективе наиболее вероятны сценарии «застой» и «забвение», не предусматривающие возникновения между сторонами политического диалога. При этом сценарий «забвение» является позитивным, поскольку сценарий «застой» предполагает, что Эстония будет продолжать играть в российской внешнеполитической риторике и сообщениях российских средств массовой информации значимую, но отрицательную роль.

Список литературы

1. *Благовещенский Н. Ю., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А.* Экспертно-статистический Байесовский подход к сценарному политическому прогнозированию // *Полис (Политические исследования)*. 2012. № 4. С. 74—98.
2. *Tüür K.* Russia and Estonia // *Russian Federation 2013: Short-Term Prognosis* / ed. by K. Tüür, V. Morozov. Tartu, 2012. P. 123—126.
3. *Эстонская Республика* : справка от 7 нояб. 2011 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/f9903503901c7dd143256db100527f77!OpenDocument> (дата обращения: 07.11.2013).
4. *Зиновьев А. А.* Посткоммунистическая Россия: публицистика 1991—1995 гг. М., 1996.
5. *Paet U.* Rusia actúa como si no se hubiese disuelto la URSS // *El Pais*. 2007. 7 de mayo.
6. *Ланко Д. А.* Становление региона Северного изменения как приоритета внешней политики центров силы в Балтийском регионе // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 4. С. 107—117.
7. *Заславская Н. Г.* Институциональные аспекты финансового кризиса в Евроне // Там же. 2013. № 3. С. 129—133.
8. *Клемешев А. П., Федоров Г. М., Зверев Ю. М.* О потенциале и возможностях сотрудничества Российской Федерации со странами Балтии в инновационной сфере // *Балтийский регион*. 2011. № 3 (9). С. 88—97.
9. *Вардомский Л. Б.* Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // *Россия и современный мир*. 2000. № 2. С. 54—64.
10. *Makarychev A.* Pskov at the Crossroads of Russia's Trans-Border Relations with Estonia and Latvia: Between Provinciality and Marginality // *Europe — Asia Studies*. 2005. Vol. 57, № 3. P. 481—500.
11. *Межевич Н. М.* Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России // *Псковский региональный журнал*. 2007. № 4. С. 134—145.
12. *Грецкий И. В.* Российско-польские отношения на современном этапе // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 3. С. 121—128.
13. *Smith G., Wilson A.* Rethinking Russia's Post-Soviet Diaspora: The Potential for Political Mobilization in Eastern Ukraine and North-East Estonia // *Europe — Asia Studies*. 1997. Vol. 49, № 5. P. 845—864.
14. *Худолей К. К.* Советизация Балтийских государств летом 1940 года и ее последствия // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 1. С. 94—110.

Об авторе

Дмитрий Александрович Ланко, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: dimpra@hotmail.com

RUSSIAN-ESTONIAN RELATIONS: A MEDIUM-TERM FORECAST

D. Lanko *

* Saint Petersburg State University
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received on January 7, 2014

This article shows why the non-existent political dialogue between Russia and Estonia will hardly develop in the next five years and why Estonia can lose its significance for the Russian foreign policy rhetoric and Russian mass media. This conclusion is drawn from a medium-term forecast about the changing role of Estonia in Russian foreign policy. The forecast is based on the scenario methodology, which suggests that the modern means of political forecasting make it possible to make conclusions not about the future states of political phenomena, but rather about the trends of current states, which are called scenarios. The article describes the four possible scenarios of changes in the role of Estonia in Russian foreign policy that are evaluated from the perspective of the development of Russian-Estonian relations and factors affecting the probability of each scenario. It is shown that any change in the role of Estonia in Russian foreign policy depends not only on the specific actions of the Estonian elite, for example their readiness to change their position on the participation of Russian-speaking population in the democratic decision-making process or the evaluation of controversial events of the past, but also on the meaning that will be attached to these actions by the Russian elite.

Key words: international relations, foreign policy analysis, Russia, Estonia, forecast

References

1. Blagoveshenskij, N. Yu., Krechetova, M. Yu., Satarov, G.A. 2012, Jekspertno-statisticheskij Bajesovskij podhod k scenarnomu politicheskomu prognozirovaniju [Expert statistical Bayesian approach to screenwriting political forecasting], *Polis (Politicheskie issledovanija)* [«POLIS» Journal — Political Studies], no. 4, p. 74—98.
2. Tüür, K. 2012, Russia and Estonia. In: Tüür, K., Morozov, V. (eds.), *Russian Federation 2013: Short-Term Prognosis*, Tartu, Tartu University Press, p. 123—126.
3. Jestonskaja Respublika (spravka) [The Republic of Estonia (reference)], November 7, 2011, *Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii* [Ministry of For-

eign Affairs of the Russian Federation], available at: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/f9903503901c7dd143256db100527f77?OpenDocument> (accessed 07.11.2013).

4. Zinoviev, A. A. 1996, Postkommunisticheskaja Rossija: publicistika 1991—1995 gg. [Post-Communist Russia: 1991—1995, journalism.], Moscow, 367 p.

5. Paet, U. 2007, Rusia actúa como si no se hubiese disuelto la URSS, *El Pais*, 7 de mayo.

6. Lanko, D. A. 2010, Stanovlenie regiona Severnogo izmenenija kak prioriteta vneshnej politiki centrov sily v Baltijskom regione [Formation of the Northern change as a priority foreign policy centers of power in the Baltic region], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik St. Petersburg University. Series 6], no. 4, p. 107—117.

7. Zaslavskaya, N. G. 2013, Institucional'nye aspekty finansovogo krizisa v Evrozone [Institutional aspects of the financial crisis in the Eurozone], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik St. Petersburg University. Series 6], no 3, p. 129—133.

8. Klemeshev, A., Fedorov, G., Zverev, Yu. 2011, On the potential and opportunities for cooperation between the Baltics in the field of innovations, *Baltic Region*, no. 3 (9), p. 88—97. doi: 10.5922/2079-8555-2011-3-9.

9. Vardomsky, L. B. 2000, Prigranichnyj pojas Rossii: problemy i tendencii razvitiya [Border zone of Russia: problems and trends], *Rossija i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], no. 2, p. 54—64.

10. Makarychev, A. 2005, Pskov at the Crossroads of Russia's Trans-Border Relations with Estonia and Latvia: Between Provinciality and Marginality, *Europe — Asia Studies*, Vol. 57, no. 3, May, p. 481—500.

11. Mezhevich, N. M. 2007, Rossijsko-jestonskaja granica: istorija formirovanija i sovremennoe znachenie dlja razvitiya Severo-Zapada Rossii [Russian-Estonian border: formation history and contemporary significance for the development of the North-West Russia], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regional study Journal], no. 4, p. 134—145.

12. Greckij, I. V. 2013, Rossijsko-pol'skie otnoshenija na sovremennom jetape [Russian-Polish relations at the present stage], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik St. Petersburg University. Series 6], no. 3, p. 121—128.

13. Smith, G., Wilson, A. 1997, Rethinking Russia's Post-Soviet Diaspora: The Potential for Political Mobilization in Eastern Ukraine and North-East Estonia, *Europe — Asia Studies*, Vol. 49, no. 5, July, p. 845—864.

14. Khudolei, K. K. 2013, Sovetizacija Baltijskih gosudarstv letom 1940 goda i ee posledstvija [The Sovietization of the Baltic States in the summer of 1940 and its consequences], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik St. Petersburg University. Series 6], no. 1, p. 94—110.

About the author

Dmitry Lanko, Ph. D. (comparative politics), Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University.
E-mail: dimppa@hotmail.com